

17/5 — 14/6

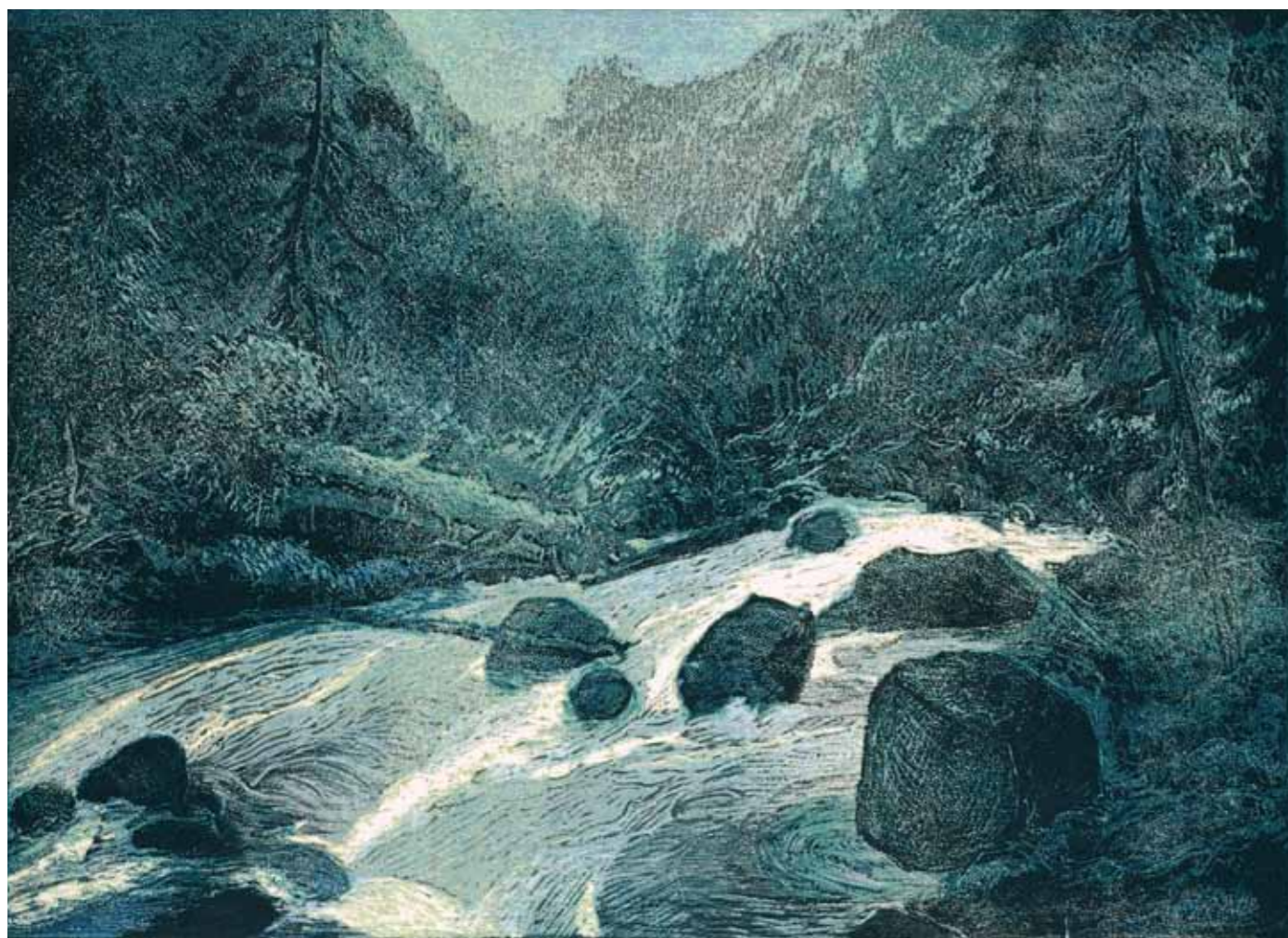
АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
— ЙОЗЕФ ВАХАЛ

Выставка представляет на суд публики двоих художников, о которых их родные страны чуть было не забыли. Два мастера, наделенные двумя равноценными талантами – талантами писателя и художника: русский – Алексей Михайлович Ремизов – и чех – Йозеф Вахал. Оба поднялись на подмостки искусства в начале XX века – в то время, когда в России – как, разумеется, и в Чехии – господствовал модерн, называемый также Modern Style, Art Nouveau, Jugendstil или (стиль сецессион). Уже из названий ясно, что это было искусство современное, молодое, адресующееся к молодой публике. Да, это было искусство стилизации, искусство изящных овалов и кривых, которые, как полагали многие искусствоведы, являют собой краеугольные камни красоты. В художественных творениях Ремизова я вижу именно эту высокую степень стилизации, потребность в целостности выражения и художественной правде. Новизна выражения, неотрывная от вновь открытого древнего и забытого искусства, путь к корням. Мало того – в сборнике «Nova et Vetera», изданном в июне 1921 года, помещена рецензия на книгу Ремизова «Апокрифы и другие сказки», вышедшую годом ранее. В тексте прежде всего отмечается красочность авторского литературного стиля: «Необычайное

искусство Ремизова оживляет здесь стародавние легенды и сказки времен не только православных, но и правоверных, они оживают в красоте византийских камей, эмалей и книжных заставок, причем в таком свежем блеске, как если бы на протяжении стольких лет не засыпала их пыль отторжения и схизмы». Необходимо добавить, что еще раньше, в 1916 году, вышла в чешском переводе книга Ремизова «Крестовые сестры». После войны в тогдашней Чехословакии появились и другие книжные труды Ремизова: в 1919 году – «Пятая язва», «Пруд» (1923) и в том же году – «Апокрифы и другие сказки», а в 1932 – «Рождество». С историей всё.

На петербургской выставке мы видим творения двух художников – столь же похожих, сколь и различных, с объединяющей их верностью роду и традиции, которая соседствовала с элементами временного и преходящего: это была потребность изъясняться на художественном языке своего века и своей эпохи, которую иные несколько патетически именовали – «эпохой модерна».

Иржи Олич

НОЧЬ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Кураторы выставки
«Писатель играющий:
Йозеф Вахал – Алексей Ремизов»:
Иржи Олич, Алла Грачева

Кураторы программы
Ночи чешской литературы:
Дарья Осинская, Ян Махонин

Авторы текстов:
Иржи Олич, Алла Грачева,
Йозеф Вахал

ВВЕДЕНИЕ
Иржи Олич
Алла Грачева
Йозеф Вахал
Алексей Ремизов

ОДИНОЧКА И ПРОВОКАТОР ЙОЗЕФ ВАХАЛ

Обширное художественное и литературное наследие Йозефа Вахала (1884-1969) и сегодня волнует воображение читателей и зрителей, маня своим многообразием и противоречивостью; работы авангардные и экспериментальные соседствуют у него с творениями глубоко традиционалистскими. Кроме того, произведениям Вахала присущ особенный, неповторимый юмор, серьезное в них причудливо переплетено с несерьезным. Работы, опередившие свое время, образцовые примеры концептуального мышления обок с провокационными манифестами художника, который не понял, недооценен – и решился выступить (против всех). Творчество Йозефа Вахала скрывает в себе и много чисто личное, почерпнутого из истории, написанных самой жизнью; оно словно деревце на отшибе – само по себе и всегда на обочине того главного направления, что зовется современным искусством. Самородок, можно сказать – оригинал Вахал...

С самого раннего детства отмеченный печатью внебрачного ребенка, он возвращал в себе бунтарский дух и представление о собственной исключительности – с одной стороны, и протест против всего, что являлось в его глазах пагубным («союзом меча и кропила»), то есть государственной власти и государственной религии – с другой. В этом заключался изначальный парадокс: если бы его отец, младший учитель Йозеф Алеш (двоюродный брат знаменитого и поистине «народного» художника Миклоша Алеша) женился на Марии Вахаловой, то сын обрел бы имя и вместе с ним уважение, признание и почет. Это был бы данный ему судьбой козырь – но к сожалению, этого не произошло, и Вахал-художник был вынужден буквально торить себе дорогу в жизни.

Дед с бабушкой воспитали внука в католической вере, но с самого детства мальчика тянуло приподнять завесу неведомого, его манил к себе иной мир – причем скорее спиритический, чем духовный. Его отец – по примеру поэта Махара антиклерикал, ненавидевший все, что было связано с церковью и священниками, – прививал ребенку любовь к теософии, а для чтения и обучения использовал сочинения переводимых им на тот момент авторов. Еще сильнее привлекало Вахала искусство. Шестнадцатилетний ученик переплетчика, в 1900 году он издает собственный вручную написанный и проиллюстрированный журнал («Гениальный декадент»), пародировавший выходившее тогда декадентское «Модерни ревью». Под словом «модерн» подразумевался в то время стиль («сецессион», вернее – заключительная его фаза, за которой уже просматривалась экспрессионизм. В 1904 году Вахал рисует цикл («В жизни нищета и ужас»), отдает его на суд своему дядюшке Миклошу Алешу, и тот рекомендует юношу в частную художественную школу Алоиса Каводы. Однако ощутившее картин учителя подействовало на Вахала выставка произведений Эдварда Мунка, проходившая в Праге в 1905 году; она дала ему импульс, придала храбрости быть самим собой. Результатом стали картины на спиритические сюжеты. Еще более интересовала художника графика, прежде всего гравюры по дереву; в 1909 году, неожиданно получив наследство от тетушки, он смог обзавестись типографским станком. Сначала гравюры по дереву, позднее – гравюры по меди стали основным элементом его творчества; в том же 1909 году Вахал выпускает в свет свою первую книгу – («Видение семерки дней и планет. Художника, графика и писателя до войны вдохновляют прежде всего католические мистики

– он преклоняется перед архаическим обаянием средневековых образов и соединяет их с современными экспериментами. Как раз эта разнородная и богатая противоречиями цельность («ворения») и составляет суть самой важной для Вахала («авторской книги»), где автор – в одном лице художник и ремесленник – сумел достичь неповторимости и уникальности поистине мирового уровня. Но – не мировой славы: основное произведение Вахала, упомянутая уже авторская книга – библиографическая редкость, ее почти невозможно достать в Чешской Республике, а то, что ее нет в галереях и музеях мира, – это уж само собой разумеется.

Когда мы читаем главные книги Вахала, то возникает впечатление, что со страниц большинства из них к нам обращается религиозный проповедник и порицатель, возмущающий о моральном упадке, призывающий исправить нравы и более всего восхваляющий и защищающий старые времена, когда все было не порушенным и лучшим. Это своего рода максимы и проповеди. Такова («Совершенная магия будущего» – книга Йозефа Вахала 1922 года, таково богатое на отрывки из проповедей («Естествознание призраков») 1924 года, а также, разумеется, («Венец заблуждений, или Постыла ереси»), сочинение 1926 года, являющее собой собрание («нехристианских проповедей»). В своих литературных фантазиях, мечтах и реинкарнационных грёзах Вахал нередко перевоплощался в различные персонажи – в проповедника, исправляющего нравы, либо в бродячего еретика и сектанта, либо – в монаха нищенствующего ордена.

Венчают творчество Вахала два объемных фолманта – («Шумава умирающая и романтическая») (1931) и («Сборник рецептов цветной гравюры на дереве») (1934). Экономический кризис и годы войны положили преграду творчеству мастера, послевоенные материальные лишения вновь подкосили его, коммунистический режим (против которого предостерегал Вахал своими памфлетами) приговорил художника к забвению. Конечно, в шестидесятые годы Йозеф Вахал продолжал трудиться; главным образом, он писал (зачастую сопровождая их забавными иллюстрациями) большие письма-романы своим друзьям. Он критиковал и осуждал эпоху, причем не только правящий режим, но и народ, который приспособился к обстоятельствам и к демократии с самыми разнообразными привходящими; по своим убеждениям, по ментальности, по любви вспомнить прошлое он оставался скорее гражданином Австро-Венгерской империи; проклинал эру спорта, техники, автомобилей, полетов в космос et cetera, он доказывал, что является истинным ретроградом.

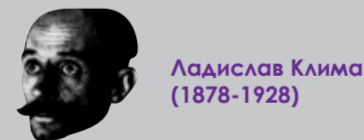
Иржи Олин

НОЧЬ ЧЕШСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ / НОЧЬ В МУЗЕЕ

Дмитрий Волчек представит чешского писателя и философа Ладислава Климу
18/5 18:00
15:00
www.wordoder.ru

Литературный вечер, посвященный творчеству чешского писателя и философа модернизма-декаданса Ладислава Климы (1878-1928), работы которого существенно повлияли на творчество чешского литературного авангарда 1970-1980-х годов. Ладислава Климу представит писатель, издатель и журналист Дмитрий Волчек, который также поговорит о книгах Климы, изданных издательством Колонна. В рамках вечера будет показан фильм («В жару королевской любви») по мотивам книги Ладислава Климы («Страдания князя Штерненгоха»).

экстатический мыслитель и художник слова, презирающий практически все, что в его время было принято ценить; академическое образование, позитивизм, левый авангард. Прежде всего, он интересовался философией, и несколько раз попытался свои философские тексты издать. Но почти всегда ему приходилось сражаться с цензурой. Художественную литературу Клима писал лишь несколько лет, но и так он успел создать большой фрагмент романа и десятки оригинальных рассказов. В своих текстах он пытался соединить «низкий» приключенческий, иногда даже порнографический жанр с глубоким философским содержанием. Клима скончался в нищете от туберкулеза в 1928-м году. Но он не был забыт. Прежде всего, молодые люди полюбили его увлекательные и одновременно глубокие рассказы, переписывали их, некоторые из них, например, в 70-ые годы известная рок-группа Пластик Пипл их даже положила на музыку. Полной реабилитацией творчество Ладислава Климы дождалось лишь через 60 лет после смерти автора.

Отто М. Урбан представит чешского художника и писателя Йозефа Вахала
18/5 18:00
www.wordoder.ru

Лекцию о Йозефе Вахале (1884 – 1969) прочтет известный чешский искусствовед и специалист по периоду модернизма-декаданса Отто М. Урбан; книгу («Кровавый роман»), вышедшую в издательстве Колонна представит писатель и журналист Дмитрий Волчек. В рамках вечера будет показан фильм («Кровавый роман») по мотивам книги Йозефа Вахала.

«Ночь в музее» в Пушкинском Доме
18/5 18 — 23:00
www.wordoder.ru

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

В пространствах Пушкинского дома пройдут с 20 до 21ч чтения произведений чешских авторов Йозефа Вахала и Ладислава Климы.

ОРГАНИЗАТОРЫ:

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН – Чешский культурный центр в Москве

Памятник национальной письменности в Праге

Книжный магазин «Все свободны» / «Мы»

Книжный магазин «Порядок слов»

Открытие выставки «Писатель играющий: Йозеф Вахал – Алексей Ремизов» (17/5—14/6)
17/05 16:00
www.pushkinskiydom.ru
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

Дмитрий Волчек представит чешского писателя и философа Ладислава Климу
18/05 15:00
www.wordoder.ru
Книжный магазин «Порядок слов», Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, 15

Отто М. Урбан представит чешского художника и писателя Йозефа Вахала
18/05 18:00
http://vk.com/event52554600
Книжный магазин «Мы», проект Библиотека, 3-й этаж, Санкт-Петербург, Невский просп., 20

«Ночь в музее» в Пушкинском Доме
когда: 18/5 18 — 23:00
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4

20:00 — 21:00
чтения произведений чешских авторов Йозефа Вахала и Ладислава Климы

при поддержке Генерального консульства Чехии в Санкт-Петербурге

PA M Á T N Í K N Á R O D N Í H O P Í S E M N I C T V Í

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ – ГРАФИК

Один из крупнейших мастеров русского авангарда Алексей Ремизов был, одновременно, и писателем, и самобытным художником-графиком. Его рисунки высоко ценили П. Пикассо, Вас. Кандинский, М. Ларионов, Н. Гончарова, Ю. Анненков писал: «Ремизов, несомненно, мог бы рисовать, как Серов, как Репин, или как Малевич. Но их музы его не вдохновляли... Ремизов создавал полу-детские, полу-заумные графические фантазмагории, удивлявшие меня игроучностью при глубоком графическом мастерстве. Он рисовал замечательно и диовинной. Важным источником для формирования синтетической природы художественного творчества писателя стала древнерусская литература. Для средневекового книжника рукопись была целостным произведением, все части которого (расположение текста, тип названия, инициалы, миниатюры, заставки) были подчинены единому стиливому и смысловому решению. В творчестве Ремизова освоение универсализма средневекового искусства соединилось с аккомодацией эстетических принципов новых направлений XX в.: кубизма и сюрреализма. Начиная с конца 1910-х г. Ремизов все изобразительный пласт, как константу процесса своей работы над созданием художественного текста. Формирование графической («редакции») произведения стало одной из органичных составных частей («литературной истории») ремизовских произведений. В 30-е-40-е г., в условиях невозможности публикации произведений крупной формы в эмигрантской печати, Ремизов обратился к жанру художественного альбома, представлявшего собой автономное эстетическое целое. То были комплексы рисунков-автоиллюстраций, галереи портретов современников или друзей Ремизова из иных пространств художественной вселенной, а также

его уникальные иллюстрации к произведениям русских классиков: Гоголя, Пушкина, Лескова, Достоевского, Тургенева. На настоящей выставке представлены различные типы ремизовской графики, наглядно представляющие единение его творчества с наследием мирового авангарда XX века.

Алла Грачева

ЦИТАТЫ ИЗ ТЕКСТОВ ЙОЗЕФА ВАХАЛА

«Мне бывало очень жутко в моей мастерской; возможно, меня страшили фантомы оргий, происходивших тут днем, и малых опытов. Всякие феномены случались и днем, и их слышали люди, бывшие абсолютными ни во что не верящими скептиками. А из девятилетнего опыта глубокого изучения оккультных наук я вынес одно знание, которое поколебать невозможно: уверенность в существовании Дьявола. Бесчисленных подручных, и пентаграммы, и концентрации я заменил громкой молитвой, предавая себя в руки Божии, и сегодня, два года спустя, я сплю спокойно – обманчивый покой грешника, которому, возможно, дьявол милостиво позволяет погрузиться в мнимый покой...»
/из письма священнику Якубу Демлу от 21-22 апреля 1912 г./

«Ныне же, прелестная читательница, обрати свое внимание на следующие отца моего заметки, на иных страницах этих набросков сделанные, да притом еще и ровно 80 лет тому назад. Все действующие лица этой драмы уже мертвы, и один только паршивец, для которого эти реликвии больше не священны, до сих пор живет в Студеняхах. Так приглядись же, читатель, к письменным излияниям этих добрых и наивных людей, а также и к курьезным ремаркам, принадлежащим автору настоящей приписки, для которого – хотя он уже близок к могиле – нет ничего святого и все на свете кажется лишь парадоксом. Проплавайте слезы или смейтесь, либо это все за гранью и те же деньги. Ведь мир – это в сущности грандиозная психушка, – Й. Вахал, 13.VI 67.»
/Один из последних текстов Вахала, завершающий собой заметки, написанные им на посланиях, которые некогда получал его отец от жен, подруг и любовниц./

«Озирая сотворенное мною к моим пятидесяти годам, подводя, так сказать, итоги общения с народом, я утвердился во мнении, что больше дал, чем получил. Даже справедливых оценок я не дождался. После 1934 года я уже лишь подбирал остатки. В 1939 году война навсегда выбила – я про сугубо вахаловскую работу – резец из моей руки.»
/Заметка Вахала 1945 г./

«Скажем, ты физически умрешь, то есть: тебе будет казаться, что пришел твой последний день /.../ У твоих глаз была хорошая роговица, отличной! Ее вырежут у тебя в пользу слепых, вставят туда, где ее не доставало. Мозг отправят в архив для коллективного изучения и поместят в отделение мозгов индивидуумов, снабдив табличкой А.350/R.2856, то есть в собрание мозгов тех, кто зарабатывал на жизнь искусством и был отягощен художественной идеей фикс, в отделение ассоциально чувствующих мозговых извилин и реакционных патологических явлений. Да, любезный коллега из кршивокладского городка, а нынче – из Нового города! Мы и впрямь близимся к печальному временим, полным не любви, и к рабству, о чем в наши юные годы мы и помыслить не могли!»
/Из письма художнику Карелу Немецу от 24.12.1946 г./

17/5 — 14/6

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ — ЙОЗЕФ ВАХАЛ

Выставка представляет на суд публики двоих художников, о которых их родные страны чуть было не забыли. Два мастера, наделенные двумя равноценными талантами — талантами писателя и художника: русский — Алексей Михайлович Ремизов — и чех — Йозеф Вахал. Оба поднялись на подмостки искусства в начале XX века — в то время, когда в России — как, разумеется, и в Чехии — господствовал модерн, называемый также Modern Style, Art Nouveau, Jugendstil или «стиль сецессион». Уже из названий ясно, что это было искусство современное, молодое, адресующееся к молодой публике. Да, это было искусство стилизации, искусство изящных овалов и кривых, которые, как полагали многие искусствоведы, являют собой краугольные камни красоты. В художественных творениях Ремизова я вижу именно эту высокую степень стилизации, потребность в целостности выражения и художественной правде. Новизна выражения, неотрывная от вновь открытого древнего и забытого искусства, путь к корням. Мало того — в сборнике «Nova et Vetera», изданном в июне 1921 года, помещена рецензия на книгу Ремизова «Апокрифы и другие сказки», вышедшую годом ранее. В тексте прежде всего отмечается красочность авторского литературного стиля: «Необычайное искусство

Ремизова оживляет здесь стародавние легенды и сказки времен не только православных, но и правоверных, каменей, эмалей и книжных заставок, причем в таком свежем блеске, как если бы на протяжении стольких лет не засыпала их пыль отторжения и схизмы». Необходимо добавить, что еще раньше, в 1916 году, вышла в чешском переводе книга Ремизова «Крестовые сестры». После войны в тогдашней Чехословакии появились и другие книжные труды Ремизова: в 1919 году — «Пятая язва», «Труд» (1923) и в том же году — «Апокрифы и другие сказки», а в 1932 — «Рождество». С историей

На петербургской выставке мы видим творения двух художников — столь же похожих, сколь и различных, с объединяющей их верностью роду и традиции, которая соседствовала с элементами временного и преходящего: это была потребность изъясняться на художественном языке своего века и своей эпохи, которую иные несколько патетически именовали — «эпохой модерна».

Иржи Олич

НОЧЬ ЧЕШСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

Кураторы выставки
«Писатель играющий:
Йозеф Вахал — Алексей Ремизов):
Иржи Олич, Алла Грачева

Кураторы программы
Ночи чешской литературы:
Дарья Осинская, Ян Махонин

Авторы текстов:
Иржи Олич, Алла Грачева,
Йозеф Вахал

Перевод с чешского:
Инна Безрукова

Художник:
Яромир Харовник
(Very Popular Office)

